

ПОКА ЕЩЕ ФАНТАСТИКА

Велика и естественна убежденность, что реальность — это одно, фантастика — совершенно другое, и мы всегда сумеем их различить как в жизни, так и в книге. Но так ли все однозначно сейчас? Фантастическая повесть Е. Велтистова «Ноктюрн пустоты» заставляет над этим задуматься.

Ведь достаточно автору было бы убрать кое-какие вещи, и перед читателем в ряде случаев тотчас встала бы нелегкая задача ответа на, казалось бы, простой вопрос: какое событие повести принадлежит действительности, а какое нет, где кончается реальность сегодняшнего дня и где начинается фантазия? С небес обрушивается злоумышленный потоп; губительный циклон под воздействием человека круто меняет свое направление; льются кислотные дожди; солнце тропиков убивает все живое кое-чем пострашнее злостной засухи — все это событийные звенья повести. Не будучи специалистом, не скажет с полной уверенностью, что из этого уже было, над чем милитаристы еще только экспериментируют, а что пока видится научной фантастикой?

«Ноктюрн пустоты» — это повесть — предостережение,

вдвойне актуальная сейчас, когда за океаном все громче лязг оружия. Наверное, в секретных планах нет операции под кодовым названием «Оружие Зевса», вокруг которой завязан сюжет повести. Но что-то подобное вполне возможно, ибо злодейства во Вьетнаме, где, в частности, испытывались приемы климатической войны, увы, отнюдь не фантастика.

Люди и страны, будьте бдительны!

Но так пересказать повесть Е. Велтистова значило бы обеднить ее.

Настоящий писатель, создавая в произведении свой вымышленный мир, обязательно раскрывает при этом что-то существенное в мире реальном. Что-то несводимое только к идее, к изображенным картинам и сценам; в этих произведениях есть и нечто такое, что куда легче ощутить, чем пересказать и разложить по полочкам: вот это оригинальная мысль, тут свежий образ и так далее, и так далее. Так вот, «Ноктюрн пустоты» обладает этой ценнейшей особенностью — повесть больше дает, чем говорит. В ней есть подлинность характеров, поступков и обстоятельств, есть

четкое, хотя, разумеется, и ограниченное авторской задачей знание, как все обстоит на самом деле. Та атмосфера общественной психологии, в которой только и может зародиться воспаленная идея разбалансировки природы для устрашения и наказания непокорных, становится осязаемой для нас, как липкий удушливый туман. Вроде бы нет сатанинских злодеев, даже сквернейшие люди — все-таки люди, в каждом персонаже есть что-то человеческое, благородное сердце, оказывается, может биться и под мундиром высокопоставленного полицейского, но взглядишься — что за безумный мир вокруг, как им отравлены даже стойкие души! И мало-помалу начинаешь понимать, что в обществе с такой историей, с такими целями, с таким эгоизмом и такой взаимоотчужденностью ничего другого в конечном счете и быть не может.

Интересная повесть. Неоридинарная повесть. Произведение, которому, уверен, суждено не мимолетная жизнь в сознании не только юного читателя.

Дм. БИЛЕНКИН.

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

г. Москва

28 СЕН 1982